

ВОЙНА

Цѣна отд. № 15 коп.
II-й ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

НОВЫЙ
САТИРИКОН

№ 40

ЕЖЕНЕДѢЛЬНОЕ ИЗДАНІЕ

1914
2 ОКТЯБРЯ.

Рис. Ре-ми.

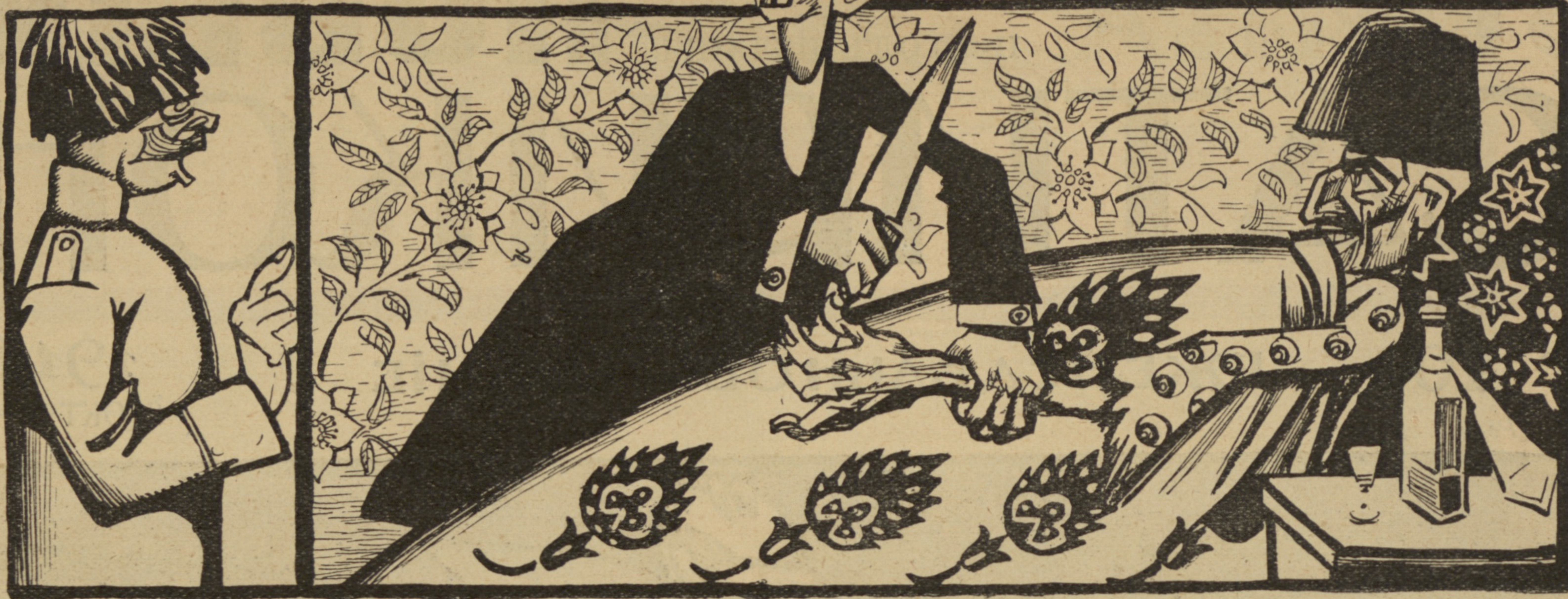

НѢМЕЦКОЕ КУШАНЬЕ.

— Я хотѣлъ бы, чтобы въ супѣ каждого
изъ моихъ крестьянъ была курица...

Король Генрихъ Четвертый.

Вильгельмъ: — Я желаю, чтобы на каждомъ столѣ, въ домѣ каждого изъ моихъ крестьянъ была утка.

„БОЛЬНОЙ ЧЕЛОВѢКЪ“.

Русскій (стуча къ турецкому султану): — Можно войти?

Султанъ: — Нельзя, я боленъ!

— Что же у васъ такое?

— У меня Круппъ!!.

СРАЗУ, ИЛИ РУССКОЕ СЪ ПЛЕЧА!

Любь намъ свѣтъ родного солнца,
Остальное — нипочемъ, —
Любимъ въ духъ Македонца
Разрубать узлы мечемъ.

О, мы — въ силахъ, мы — посмѣемъ!
Много тягостныхъ вѣковъ
Жили мы съ зеленымъ змѣемъ
Въ пьяной грязи кабаковъ.

Но пришла пора, — въ июль
Восемнадцатаго дня
Шею змѣю мы свернули,
Гордо броней звеня...

Такъ и встарь въ порывѣ юномъ
У священныхъ нынѣ мѣстъ
Мы покончили съ Перуномъ, —
И воздвигли разомъ крестъ.

На Москвѣ вѣка томился
Русскій духъ... Явился Петръ —
И мгновенно совершился
Переломъ и пересмотръ;

И на смѣну закоснѣвшей,
Облѣнившейся Москвѣ —
Городъ, жизнью закипѣвший,
Разомъ выросъ на Невѣ.

Та жь повадка въ Руси новой, —
Вѣдь въ одинъ февральскій день
Были сброшены оковы
Съ русскихъ селъ и деревень!

Та же жизненная сила
За одинъ великій годъ
Русскій край преобразила
Въ царство права и свободъ...

И уже замѣтно глазу,
Какъ свободой мы сильны, —
Развѣ девять лѣтъ не «сразу»
Для такой большой страны?

А не вольнаго ль народа
Подвигъ — галицкій походъ?
Кто австрійцевъ бьетъ? — Свобода!
Сколько ей? — Девятый годъ!

Вѣрю русскому экстазу! —
Въ немъ великое творимъ,
Но, — что сдѣлали мы сразу,
Да навѣки закрѣпимъ!

Красный.

СКЕПТИЦИЗМЪ.

Скептицизмъ бываетъ двухъ родовъ: добросовѣстный и недобросовѣстный. Напримѣръ:

Влетаетъ въ вашу квартиру супруга вашего сослуживца Ивана Ивановича и говоритъ:

— Мой мужъ, Иванъ Ивановичъ, меня бьетъ.

Вы смотрите на ея полный, вздымаемый могучимъ дыханіемъ бюстъ, на крупныя бедра, на побѣдный блескъ сѣрыхъ глазъ и представляете себѣ Ивана Ивановича:

Тщедушный, тихій, плохо одѣтый; вѣчныя царапины на носу и рукахъ и дежурная слеза въ углу печальнаго глаза.

Въ вашу душу закрадывается сомнѣніе — это скептицизмъ добросовѣстный.

Днемъ, на службѣ къ вамъ подходитъ скорбный Иванъ Ивановичъ. Промокаетъ несвѣжимъ платкомъ свѣжія царапины и стыдливо говоритъ:

— Вотъ, какъ видите... Къ чему скрывать... Жена-то моя Глафира Семеновна, меня того... бьетъ.

И, оторвавъ отъ края газеты чистый кусочекъ, удосто-вѣрится, что крови на носу больше нѣтъ, а это только такъ, «сыворотка».

Если въ отвѣтъ на полное тоски признаніе Ивана Ивановича, вы только сомнительно пожмете плечами или, указавъ на его раны, станете съ многозначительной улыбкой разспрашивать, не попалъ ли онъ нечаянно подъ трамвай сегодня утромъ, да когда онъ вернулся домой вчера вечеромъ, да не передрался ли онъ изъ-за молока съ сосѣдской кошкой, то этотъ вашъ скептицизмъ будетъ уже недобросовѣстнымъ.

Недобросовѣстнымъ потому, что утвержденіе Ивана Ивановича находится въ полномъ соотвѣтствіи, какъ съ фактами, такъ и съ характеромъ его жены Глафиры Семеновны. И Иванъ Ивановичъ будетъ въ правѣ заключить, что до тѣхъ поръ пока ваша собственная физиономія останется въ цѣлости, вы будете слѣпы и глухи къ скорби и страданіямъ ближняго.

Есть люди, которые и до сихъ поръ не выражаются о нѣмецкихъ звѣрствахъ иначе, какъ «такъ называемыя звѣрства нѣмцевъ», въ кавычкахъ. Роль кавычекъ — изображать скептицизмъ.

— Да, полноте... Ну, можетъ ли это быть, чтобы нѣмецъ (нѣмецъ! — культурнѣйшій человѣкъ) и вдругъ сталъ дѣлать такія вещи?!

— Но позвольте, факты...

— Да что факты?! Вотъ писали, что Чичкина повѣсили, а онъ живъ — вотъ вамъ факты.

— Ну-да — Чичкинъ; а вотъ, мою знакомую даму...

— Да бросьте. Вы читали сегодня, какъ Юрій Прыщъ въ «Зарницѣ» всѣхъ этихъ Загорѣцкихъ раздѣлалъ? Прочтите.

— Какихъ Загорѣцкихъ?

— Да вотъ всѣхъ этихъ, что про нѣмцевъ всякую гадость распространяютъ. Хотъ бы, говорить, во всей этой болтовнѣ

и описаніяхъ художественная правда была, а то и такой нѣтъ.

— Извините, голубчикъ, какая же художественная правда можетъ быть тамъ, гдѣ людямъ черепа раскалываютъ и такіе органы вырѣзываютъ, что не при всякой дамѣ... осмѣлишься.

— Да кто это вамъ сказалъ?!

— Официальное донесеніе бельгійскаго правит...

— Вздоръ, вранье.

— Фу, чортъ... Ну, а показанія очевидцевъ?

— Очевидцевъ?! Ха-ха! Знаемъ мы этихъ очевидцевъ. Вотъ одна дама...

— Ну, хорошо, а факты? Факты!! Сожженный Лувенъ, Шантильи!

— Лувенъ, Шантильи? Загорѣлись, вотъ и все, обыкновенное дѣло. За всякимъ ядромъ не усмотришь.

— Ффу! тяжело съ вами. Ну, а вотъ авіаторы, что бомбы нарочно въ Нотр-Дамъ бросали? Въ Грандъ-Оперѣ? Это какъ? Что по-вашему?

— Вранье... Да нѣтъ, вы посудите сами, вы послушайте: ну, какъ можетъ нѣмецъ (нѣмецъ! — культурнѣйшій же человѣкъ) и вдругъ...

— «И вдругъ»...

Это скептицизмъ недобросовѣстный. Недобросовѣстный потому, что именно этого-то «и вдругъ!» нѣтъ. Ничего не «вдругъ». Такъ же, какъ въ примѣрѣ съ Иваномъ Ивановичемъ, обвиненіе нѣмцевъ въ звѣрствахъ опирается какъ на факты, такъ и на характеръ того, кому эти факты инкриминируются.

— Э, знаете, — возразить снова скептикъ. — Характеръ. Характеръ дѣло темное. Вотъ вы говорите, что нѣмцы грубые, нѣмцы варвары, а моей свояченицѣ, въ Карлсбадѣ, пятьдесятъ марокъ повѣрили, да офицеръ чемоданъ поднять помогаль. Да!

— Ладно, чортъ съ вашей свояченицей... виноватъ, Богъ, я говорю, съ вашей свояченицей — это частный случай. А правило вотъ...

Вотъ правило — отрывокъ изъ учебника высшей стратегіи и тактики нѣмецкаго генерала фонъ-Бернгарда — наставленіе летчику надъ осажденнымъ городомъ.

«— Какими бы способами ни добиться разрѣшенія задачи, — говоритъ фонъ-Бернгардъ, — важно внести разрушеніе въ оживленнѣйшія части городовъ, которыя до сего времени считались въ безопасности отъ артиллерійскаго огня. Можно даже спросить себя: возможно ли будетъ обороняться долгое время въ атакованной такимъ способомъ крѣпости?.. Поэтому, нужно обсудить, нельзя ли усилить воздѣйствіе на населеніе настолько, чтобы даже мужественный комендантъ поддавался общему бѣдственному состоянію.

«Можно довести до высшихъ предѣловъ детонирующее дѣйствіе, развитіе высокой температуры и ядовитыхъ газовъ и тѣмъ самымъ достигнуть несравненно болѣе сильнаго дѣйствія по жилымъ домамъ и населенію, чѣмъ артиллерійскими снарядами одинаковаго вѣса».

И вотъ случится, что «бѣдственное положеніе населенія заставитъ сдать даже самаго мужественнаго коменданта!».

Вотъ.

На наглядномъ, обывательскомъ языкѣ картина дѣйствія такая:

— Сдаешься?

— Нѣтъ.

— Нѣтъ? Харрашо-о... Это картина Рубенса твоя виситъ?

— Моя.

— Дѣлаю въ ней дырку — разъ! Сдаешься?

— Нѣтъ.

— Смотри, рвать буду?

— Нѣтъ.

— Тррахъ!.. Венерѣ Милосской носъ сейчасъ рубить буду — сдаешься?

— Н... нѣтъ.

— Чикъ ее по мордѣ! Правильно. Была Венера и нѣтъ Венеры... Что бы тутъ еще такое?.. Стопъ! Мальченка этотъ твой бѣгаетъ?.. Врешь — твой. Ну? Сдаешься?

— Н... н... нѣтъ.

— И-ихъ! Полетѣло во всѣ стороны... Матушка ваша сидитъ? — Бацъ!.. Мадамъ, вы не ихняя жена будете?

— Охъ...

....

— Трахъ!.. Чего же не отвѣчалъ — самъ виноватъ. Ну, ладно — не хочешь, не надо. Это что за пискъ такой? — дѣтская?

— О-о... сдаюсь.

— То-то. Подѣйствовало. Только зря время съ вами потеряешь.

А что ни говори — правильно въ учебникѣ сказано — сразу видать, что голова писала. Система.

Да, система... И ничего — не «вдругъ».

И поэтому, когда я вижу «нѣмецкія звѣрства» въ кавычкахъ, подчеркивающихъ недовѣріе, мнѣ дѣлается противно.

И я думаю, какъ Иванъ Ивановичъ:

— Эхъ, дать бы тебѣ самому — тогда бы ты повѣрилъ.

Георгій Ландау.

ЗНАЙ НАШИХЪ.

Басня.

Цвѣтъ литераторовъ въ Берлинѣ,
Все разсудивъ, постановилъ: «Отнынѣ
«Не смѣть читать, не смѣть переводить,
«Не нюхать, не лизать и не касаться
«Тѣхъ авторовъ, которыхъ опасаться
«И ненавидѣть мы должны,
«Какъ представителей воюющей страны».

Всталъ Шницлеръ, секретарь.

— «Что нынѣ — то и встарь, —

Сказалъ онъ, — зло гораздо шире:

«Писало множество людей въ чужомъ мундирѣ!

«Я предложу: не смѣть переводить

«Тацита, Плинія, Виргилія, Платона,

«Гомера, Тассо, Данте и Мильтона...

«Всѣхъ истребить!

«А чтобъ внушительнѣй была побѣда —

«Гнать изъ учебниковъ мерзавца Архимеда!

«Коль римская въ нейтралитетѣ власть —

«Вонъ римлянъ всѣхъ!.. и грековъ въ ту же масть!..

«Всѣ православные — во-первыхъ;

«И съ Турціей играютъ намъ на нервахъ;

«А во-вторыхъ — да слышитъ могій слушать:

«Ты виноватъ ужъ тѣмъ, что хочется намъ кушать!»

Послѣдняго не удержалъ онъ слова...

Цитировалъ врага! цитировалъ Крылова!

А. С. Гринъ.

БЕЛЬГІЯ.

(Сонетъ.)

Страна, достойная гекзаметровъ Гомера,
Иль Данте скорбнаго святыхъ терцинъ;
Страна, гдѣ отъ поденщика до мэра
Согласны всѣ и каждый — гражданинъ,

Твой гордый духъ, твоя въ законность вѣра
Сильнѣе мощности твоихъ машинъ,
И твердости твоей отнынѣ мэра —
И грозный Льежъ и жертвенный Малинь.

Еще мятутся битвы и пожары,
Но близокъ часъ неотвратимой кары
Надъ самовластьемъ горестно-смѣшнымъ.

Ты, Бельгія, — Европы факель бѣлый,
И твой король великодушно-смѣлый
Въ такой странѣ не можетъ быть инымъ.

Александръ Рославлевъ.

ЖИВОЙ ТОВАРЪ.

(Изъ нѣмецкихъ газетъ.)

Объявленіе на первой страницѣ огромнѣйшими буквами:

— Граждане! Только четыре дня! Съ 15-го по 19-е, проездомъ черезъ здѣшній городъ, будутъ демонстрироваться восемь отборныхъ живыхъ французовъ, взятыхъ въ плѣнъ послѣ самыхъ различныхъ сраженій. Плата за входъ: взрослые 40 пфенниговъ, учащіеся и дѣти 20 пфенниговъ. Спѣшите, пока не поздно! Съ почтеніемъ Акціонерная Компанія по эксплуатированію труда плѣнныхъ французовъ.

Хроникерская замѣтка въ томъ же номерѣ. Набрана корпусомъ:

— Рекомендуемъ гражданамъ дѣйствительно поспѣшить осмотрѣть прибывшую партію живыхъ французовъ. Отъ себя считаемъ нужнымъ прибавить: будьте, граждане, гуманнѣе. Не надо щипать французовъ, не надо бить ихъ зонтиками, какъ это дѣлалось въ другихъ городахъ. Помните, что отъ этого Акціонерной Компаніи убытокъ.

Летучка:

— Сегодня открытіе! Стой, прохожій, остановись, плѣнныхъ посмотри въ поторопись! Всѣ одинъ къ одному, прямо либо смотри въ!

Статья театральнаго рецензента г-на Эрлихсона:

— Откровенно говоря, плѣнные насъ не удовлетворили. Несмотря на полный сборъ (выручку мы считаемъ минимумъ равной тысячѣ марокъ), французы были не въ настроеніи. Угрюмые, собравшіеся въ кучку, смотрящіе исподлобья, не отвѣчающіе ни на одинъ вопросъ, никакъ не реагирующіе на подшучиванье публики, — они не производятъ никакого впечатлѣнія. Кормежку съ руки не принимаютъ, протянутого сердобольными гражданами кусочка сахара точно не замѣчаютъ. Въ серединѣ вечера, одинъ французъ заплакалъ, но причины слезъ не объяснилъ, несмотря на то, что публика довольно настойчиво требовала этого. Въ общемъ, скучно, скучно и жаль сорока пфенниговъ.

Фельетонъ лучшаго пера во всемъ округѣ, — г-на der Schpik:

— И это французы? Ффе! Это жизнерадостныя дѣти Парижа? Извините, любая нѣмецкая прачка въ тысячу разъ жизнерадостнѣе! А гдѣ хваленая воспитанность? Когда почтенный герръ Пупхенъ нечаянно ударилъ одного француза тростью, — что, вы думаете, сдѣлалъ этотъ сынъ Парижа? — Пари сто на одинъ! — вы уже догадались! Этотъ наглый санкюлотъ замахнулся на герра Пупхена дубовой скамейкой! Вотъ тебѣ и Парижъ, вотъ тебѣ и вѣжливость! Нѣтъ далеко еще французамъ до нѣмцевъ.

Редакціонная замѣтка:

— Вчерашней номеръ со статьей г-на der Schpik разошелся въ трехъ изданіяхъ безъ остатка.

Хроникерская замѣтка. Набрана петитомъ:

— Дѣла Акц. Компаніи пошли на убыль. Никто не желаетъ за деньги смотрѣть этихъ странныхъ плѣнныхъ, на которыхъ нельзя не только плюнуть, но даже косо посмотреть. Населеніе считаетъ подобное предпріятіе надувательствомъ: за твои же деньги и никакого удовольствія. Нѣтъ-съ, дорогая Компанія, подайте намъ такого плѣннаго, чтобы мы могли все, что угодно, съ нимъ дѣлать!

Объявленіе на первой страницѣ. Самыми огромнѣйшими буквами:

— Внѣ конкуренціи! Проездомъ! Колоссальное зрѣлище, бездна удовольствій! Пять плѣнныхъ французовъ! Принимаютъ по-нѣмецки! Рассказываютъ о своихъ пораже-

марка. Цѣна за входъ: марка со взрослыхъ и полмарки съ дѣтей. Спѣшите же! Директоръ Шульцъ.

Статья театральнаго рецензента:

— Ну, это дѣло другое. Конечно, Акціонерная Компанія не выдержитъ конкуренціи господина Шульца, несмотря на то, что у Шульца двойныя цѣны. Театръ господина Шульца берется съ бою. Плѣнные французы отлично говорятъ по-нѣмецки. (Очевидно, они забраны въ Эльзасъ.) Прекрасно и довольно уморительно рассказываютъ о томъ, какъ они цѣловали сапоги нашихъ унтеръ-офицеровъ, лишь бы они, унтеръ-офицеры, взяли ихъ, французовъ, въ плѣнъ. Французы очень голодны,

такъ какъ съ жадностью ѣдятъ подачку. Не обошлось дѣло безъ инцидента. Герръ Мейеръ, почтенный городской купецъ, пожелалъ угостить плѣннаго француза весьма тухлымъ яйцомъ. При смѣхѣ публики плѣнный яйцо съѣлъ, но потребовалъ за это полмарки. Несмотря на рѣшительный протестъ, герру Мейеру пришлось уплатить требуемую плату. Въ концѣ сеанса французы позволили себя оплевывать и бить, — конечно, по таксѣ.

Замѣтка:

— Сборы въ театрѣ г-на Шульца достигаютъ невѣроятныхъ размѣровъ. Пріѣзжаютъ даже изъ провинціи посмотреть на плѣнныхъ.

Первое письмо въ редакцію:

— М. г.! Вотъ выдержка изъ афиши г-на Шульца. Читайте: плевокъ ниже шеи, — 5 пфенниговъ, выше шеи — 10. Ясно, кажется? Я плачу кассиру пять пфенниговъ и направляю плевокъ въ грудь француза. Что же дѣлаетъ этотъ господинъ? Онъ наклоняется, и плевокъ приходится прямо ему въ лицо. Съ меня требуютъ дополнительной платы... Это жульничество, да-съ! Я буду жаловаться! Съ почтеніемъ...

Второе письмо въ редакцію:

— Господинъ редакторъ! Мы, пять честныхъ нѣмецкихъ пражданъ, подписали въ сентябрѣ контрактъ къ г-ну Шульцу изображать собою плѣнныхъ французовъ на условіи, что каждый изъ насъ получаетъ кромѣ жалованья еще по 3% съ валовой выручки. За пять дней колоссальныхъ сборовъ, мы оплеваны съ головы до ногъ, исципаны, избиты. И что же? Г. Шульцъ говоритъ, что наши три процента равны всего на все одной маркѣ! Насъ обманули, насъ общають выгнать на улицу! О, господинъ редакторъ, быть можетъ, вы марксистъ? Не позволяйте же капиталу такъ издѣваться надъ честнымъ трудомъ! Подписи.

Евграфъ Дольскій.

ніяхъ! Принимаютъ подачку! Разрѣшаютъ плевать на всѣ части своего тѣла! Плевокъ въ лицо оплачивается десятью пфеннигами! Ударъ зонтикомъ—10 пфенниговъ. Тростью—

FINIS CORONAT OPUS.

Когда утихнет грозный шквалъ,
Геройствомъ націй побѣжденный,
И схлынетъ прочь кровавый валъ
Съ полей Европы потрясенной;
Падеть германскій исполинъ,
Лишившись почестей и трона,
И съ громкой музыкой въ Берлинъ
Взойдутъ побѣдныя знамена;

Когда очистятся поля,
Свою добычу скрывши въ нѣдра,
И выпьетъ жадная земля
Всю кровь, что пролита такъ щедро;
Разсѣется густой туманъ,
Доселѣ затоплявшій страны,
И обнажитъ на тѣлѣ странъ
Глубокія и злыя раны, —

Тогда увидитъ человѣкъ
Всю мерзость падшаго кумира
И въкомъ золотого мира
Искупитъ войнѣ кровавыхъ вѣкъ.

Бельгеецъ, русскій, сербъ, французъ,
И гордый бриттъ, и шведъ надменный, —
Сольются всѣ въ одинъ союзъ,
Въ одну семью дѣтей вселенной.
И времени цѣлебный вѣкъ
Сравняетъ черные окопы,
Что на груди полей Европы
Нарылъ жестокой человѣкъ!

Щ.

ЧЕПУЛЫШКИНЪ.

На дворѣ и въ палисадникѣ больницы группами и въ одиночку гуляли раненые.

Чепулышкинъ присмотрѣлъ одного, съ лѣвой рукой на перевязи, и какъ-то бочкомъ подкатился къ нему.

— Жужжить?

— Кто? — спросилъ раненый.

— Да пуля-то, когда летитъ — жужжить?

Раненый улыбнулся.

— Извѣстно, жужжить, что шмель.

— А какъ вопьется въ тѣло, такъ сразу и перестаетъ жужжать?

— Извѣстно, перестаетъ: свое дѣло сдѣлала и шабашъ.

Чепулышкинъ пощипалъ жиденькую бородку и сказалъ:

— Смѣшно это.

— Ну, братъ, какъ вдаритъ она — такъ не до смѣху!

Чепулышкинъ покраснѣлъ, какъ-то съежился и виноватымъ голосомъ сказалъ:

— Я про жужжаніе... Жжж... жж... жжж... жжжж... Такъ?

— Въ родѣ какъ такъ.

— А похоже на косой дождь, когда пули летятъ?

— Не знаю, — отвѣтилъ раненый, пожавъ плечами.

Чепулышкинъ нарисовалъ на пескѣ тросточкой какую-то монограмму и спросилъ:

— А когда пуля попадаетъ въ дуло пушки — что тогда?

— Да ничего.

— Ничего?

— Ничего.

Чепулышкинъ собралъ брови въ комочекъ надъ переносицей, потомъ распустилъ ихъ, и онѣ ползли на лобъ.

— Неужели даже царапины не остается въ дулѣ?

— Можетъ, и остается.

— Я глубоко убѣжденъ, что остается, — горячо сказалъ Чепулышкинъ.

Раненый усмѣхнулся и добродушно согласился:

— Пожалуй, остается.

— А пуля, вѣроятно, сплющивается?

— Сплющивается.

Помолчали. Раненый хотѣлъ отойти, но Чепулышкинъ легонько попрдержалъ его за рукавъ.

— Вотъ, что я хотѣлъ выяснитъ: когда солдатъ на мотоциклѣткѣ, а позади жужжать пули, въ него мѣтятъ, то, вѣдь,

если онъ разовьетъ большую скорость, чѣмъ та, съ которой летитъ пуля, то, по-моему, мотоциклѣтка должна обогнать пулю? Или вотъ, когда при штыковой атакѣ идетъ наша цѣль на ихнюю цѣль и солдаты наши не держатъ бокового интервала, равнаго боковому интервалу ихняго, то штыки могутъ прійтись, вѣдь, въ самый интервалъ и тогда цѣль штыковой атаки не будетъ оправдана?

Раненый вздохнулъ, вытеръ рукавомъ вспотѣвшій лобъ и сказалъ:

— Начальство — оно знаетъ.

— По картѣ?

— По картѣ.

— И по компасу?

— И по компасу.

Чепулышкинъ посмотрѣлъ на небо и сказалъ:

— По звѣздамъ можно тоже. И потомъ — читалъ я — по чутью животныхъ: лошадей и собакъ.

— Извѣстно, скотина — она чувствуетъ.

— Кошка тоже чувствуетъ разстояніе и направленіе, по-моему, кошка тоже полезное армейское животное.

— Начальство — оно само знаетъ, которое на пользу, а которое зря.

— Это вѣрно, — подтвердилъ Чепулышкинъ.

— Можно мнѣ идтись? — спросилъ раненый.

— Погоди, погоди, милый, я что-то хотѣлъ спросить очень важное.

Раненый прислонился къ дереву и въ ожиданіи вопроса закурилъ папироску.

Чепулышкинъ морщилъ лобъ и, повидимому, страдалъ отъ того, что не подвѣртывался въ мозгу подходящій вопросъ.

Наконецъ, онъ посвѣтлѣлъ лицомъ и спросилъ:

— Въ плѣнъ, небось, легче брать голоднаго нѣмца, чѣмъ сытаго?

— Извѣстно: «хлѣбъ за брюхомъ не ходитъ», а брюхо ходитъ.

— А если... если изъ пулемета выстрѣлить въ одного человѣка, то тогда что?

— Въ него и попадетъ.

— Всѣ шестьсотъ пуль?

Раненый вздохнулъ и упавшимъ голосомъ сказалъ:

— Можетъ, какая-нибудь и проскочитъ.

Чепулышкинъ весело захохоталъ.

— Эхъ ты, а еще раненый, на войнѣ былъ, а не знаешь, что если пулеметъ стрѣляетъ вѣеромъ, то весь вѣеръ, вся окружность вѣера не помѣстится на одномъ человѣкѣ!

И довольный собой, своей смѣтливостью, своими военными познаніями, Чепулышкинъ покровительственно похлопалъ раненаго по плечу.

Дома Чепулышкинъ, за обѣдомъ, ораторствовалъ:

— ... Любятъ раненые поболтать. Такъ и не отпускаютъ, сколько вопросовъ зададутъ. Ну, отвѣчаешь, конечно, охотно: нашъ долгъ облегчать страданія нашихъ доблестныхъ воиновъ.

Исидоръ Гуревичъ.

ИНДІЙСКАЯ МУДРОСТЬ.

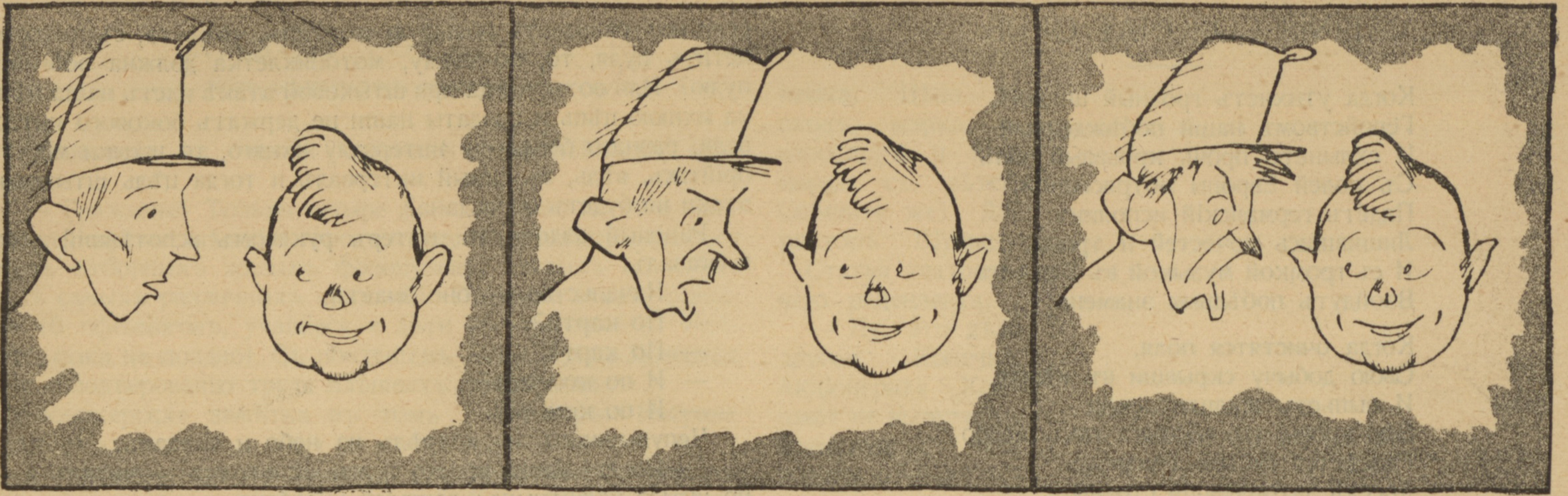
Кто съ дѣтства мозгъ имѣетъ плоскій
И вмѣсто лба — крутую мѣдь,
Тому нельзя благоговѣть
Передъ Венерою Милосской.

Онъ можетъ выбрать темой спора,
Среди товарищей-солдатъ: —
Чей больше выхватитъ снарядъ
Святынь изъ Реймскаго собора?..

Кто не пришелъ еще къ сознанью...
Творецъ нашъ былъ безмѣрно правъ,
Двѣ разновидности создавъ
Для полной гаммы мірозданья;

Ихъ, и безъ хитрости змѣиной,
Мы различимъ на рискъ и страхъ:
Есть человѣкъ на двухъ ногахъ
И есть на двухъ ногахъ — скотина.

Арк. Буховъ.

Австрийскій мальчикъ: — А у насъ есть тяжелая артиллерія!
Русскій мальчикъ: — А къ вамъ русскій солдатъ пришелъ!

Австрийскій мальчикъ: — А у насъ есть замѣчательные тирольскіе стрѣлки!
Русскій мальчикъ: — А къ вамъ русскій солдатъ пришелъ!

Австрийскій мальчикъ: — А мы на васъ ландштурмъ и ландверъ напустимъ!
Русскій мальчикъ: — А къ вамъ русскій солдатъ пришелъ!

Г Е Р О Й.

Писалъ онъ громкіе стишки
 Тангльфутъ-статьи и горе-прозу,
 Толстожурнальные кружки
 Его причислили къ обозу.

И тамъ онъ шель... Стерегъ журналъ,
 Былъ въ убѣжденьяхъ сталактитомъ...
 Талантовъ новыхъ не пускалъ
 И былъ безъ трехъ минутъ «маститымъ».

Пришла гроза... Ударилъ громъ.
 Къ оружію встало поль-Европы,
 И молчаливо, напроломъ,
 Пошло въ кровавые окопы.

Пошли туда — за ратью рать,
 Въ борьбѣ ища Христова лика,
 И побѣждать и умирать
 Безъ громкихъ возгласовъ и крика...

Чтобъ свергнуть Крупновскій кумиръ
 Своими жизнями и кровью.
 И завѣщать потомкамъ миръ
 Съ неугасаемой любовью.

Въ молчаньи строгомъ шли на бой.
 И, обреченные судьбой,
 Полки въ окопахъ пропадали
 Въ молчаньи строгомъ умирали...

Онъ долго думалъ и — рѣшилъ!
 Онъ «спекъ» статью, отнесъ въ газету!
 Разнесъ «Полдневный Крскодилъ»
 Его кудахтанье по свѣту:

— «Писатель, — если только онъ
 Волна, а океанъ Россія, —
 Не можетъ быть не возмущенъ,
 Когда возмущена стихія.

Подъ зовъ трубы туда я рвусь,
 Лечу потопомъ... Завтра, въ среду,
 Варшавскій, часъ, — за матку Русь
 Я умирать, какъ всѣ, поѣду...

Я буду пѣть вамъ о бояхъ,
 Внесенный сказочнымъ моментомъ!!...
 Въ ту среду онъ врагамъ на страхъ
 Уѣхалъ въ Тверь — корреспондентомъ.

Евг. Вѣнскій.

ГОРДОСТЬ ОТЦА.

Вильгельмъ Гогенцоллернъ вмѣстѣ съ кронпринцемъ пріѣхалъ въ крѣпость Кобленцъ на Рейнѣ.

Вильгельмъ Гогенцоллернъ сѣлъ въ автомобиль и началъ объѣзжать улицы города-крѣпости, останавливаясь на перекресткахъ и произнося рѣчи къ собравшимся на усиленные гудки автомобиля прохожимъ.

Вильгельмъ II представилъ публикѣ кронпринца, называя его непобѣдимымъ и напыщенно клялся, что кронпринцъ быстро водворитъ миръ въ Европѣ, завоевавъ Францію.

На населеніе Кобленца театральная выходка императора произвела грустное впечатлѣніе.
 „Times“.

Къ Вильгельму Гогенцоллерну пришли въ гости короли: баварскій, саксонскій и вюртембергскій.

Застали они Вильгельма въ кабинетѣ, сидящимъ у камина въ глубокой задумчивости.

У ногъ Вильгельма сидѣлъ кронпринцъ. Онъ игралъ тѣми игрушками, которыя укралъ у графини Дебэй въ замкѣ Шампобера. Прислонившись къ лакированному сапогу Вильгельма, онъ сосредоточенно вырѣзывалъ картинки изъ старинной Библии, раскрашивая Адама и Еву цвѣтными карандашами.

Увидя баварскаго короля, кронпринцъ застѣнчиво потянулъ носомъ и потупился.

— Ну, поздоровайся же съ дядей, — сказалъ Вильгельмъ. — Дай дядѣ ручку...

— Дластуйте, — пролепеталъ кронпринцъ, протягивая руку.

— Какой славный мальчикъ, — замѣтилъ баварскій король. — Ходитъ уже?

Лицо отца освѣтилось гордостью.

— Давно! Такой умный мальчишка, что прямо прелесть. Конечно, есть отцы, которые ослѣплены своими дѣтьми, но я, даже не будучи ослѣпленнымъ, долженъ признать: замѣчательный мальчикъ. Знаетъ имена всѣхъ полководцевъ, а если найдетъ кусочекъ дерева, то сейчасъ же и вырѣжетъ изъ него пушечку, такъ искусно, что мы всѣ прямо удивляемся...

Всѣ три короля покачали головами.

— Скажите!

— Да... А вчера такую штуку выкинулъ: нашель у меня гдѣ-то на чердакѣ портретъ французскаго маршала Даву на конѣ... Отрѣзалъ Даву голову, коню ноги — и принести ко мнѣ. «Что это такое?» — спрашиваю. — «А это, говоритъ, мы такъ всѣхъ французовъ поубиваемъ».

— И что это за мальчикъ такой! — восторженно воскликнулъ вюртембергскій король, который, будучи на положеніи бѣднаго родственника, стремился при всякомъ случаѣ подчеркнуть свою восторженность. — Навѣрно, вторымъ Наполеономъ будетъ.

— Прямо и не знаю, что изъ этого мальчишки и выйдетъ, — усмѣхнулся Вильгельмъ, пряча въ густыхъ усахъ родительское самодовольство. — Ужъ такой бойкій ребенокъ, такой бойкій, что прямо ужасъ.

Чтобы что-нибудь сказать, баварскій король спросилъ:

— Говоритъ онъ уже?

— Все, рѣшительно! Даже писать уже началъ. Еще до

ОТЪ ИЗДАТЕЛЬСТВА.

На дняхъ выходить въ свѣтъ и поступаетъ въ продажу новая книга
 (Выпускъ Детской библиотеки.) **Аркадій Аверченко.**

„О нѣмцахъ и о прочемъ такомъ“...

Обложка раб. Ре-Ми. == Цѣна 10 коп.

Австрійскій мальчикъ: — А Вильгельмъ прислалъ намъ нѣсколько нѣмецкихъ корпусовъ на помощь...

Русскій мальчикъ: — А къ вамъ русскій солдатъ пришелъ!

Австрійскій мальчикъ: — А у насъ кавалерія.. первая... въ мірѣ...

Русскій мальчикъ: — А къ вамъ русскій солдатъ пришелъ!

Австрійскій мальчикъ: — А у насъ... у насъ... А-а-а...

Плачетъ.

войны, представьте, какую штуку отмочилъ: какой-то штабный генералъ написалъ этакое частное сочиненіе на ту тему, что Германія должна воевать и разбить Россію и Францію... Конечно, сочиненіе не официальное — всякій, кто хочетъ, можетъ у насъ, въ Германіи, высказывать свое личное мнѣніе... И что же бы вы думали? Кронпринцъ вдругъ пишетъ этому генералу и посылаетъ своими дѣтскими рученками письмо, въ которомъ говоритъ, что онъ всецѣло присоединяется къ мнѣнію генерала.

— Ну-ну, — восторженно покачалъ головой бѣдный вюртембергскій король.

— И не говорите! Сколько мнѣ потомъ хлопотъ было, чтобы уладить этотъ инцидентъ...

Вюртембергскій король всплеснулъ руками.

— Ай, да ребенокъ! Ну, и ребенокъ. Сколько ему?

— Да совсѣмъ еще младенецъ. Тридцать четвертый или тридцать пятый — ужъ и не помню.

— Ну, что слышно на восточномъ театрѣ? — спросилъ баварскій король.

— Ничего, спасибо. А недавно онъ сдѣлалъ такое, что мы чуть не померли отъ смѣха: провозили тутъ бельгійскихъ плѣнныхъ, а онъ вдругъ подходитъ къ вагону, да ка-акъ плюнетъ на одного бельгійца. Я ему говорю: «Ты зачѣмъ плюешься, гадкій мальчишка?! Развѣ можно плевать?» А онъ мнѣ: «Можно, говорить. А зачѣмъ они съ нами воюютъ. Не могли насъ пропустить во Францію безъ войны — вотъ же имъ!»

Вюртембергскій король искусственно засмѣялся.

— Это что жъ такое за бойкій мальчуга! Ну, иди къ дядѣ на ручки. Иди къ дядѣ...

— Не хочу, — капризно крикнулъ кронпринцъ.

— Почему жъ ты не хочешь?

— Отстань! Посоль къ цолту!

— Пупсъ! — полусмѣясь, полусердито крикнулъ Вильгельмъ. — Развѣ можно такъ говорить дядѣ?

— А какъ тамъ ему ещо говолить? — утрюмо пролепелъ кронпринцъ.

— Надо сказать, что ты уже большой и что тебѣ стыдно идти на ручки къ дядѣ.

— Ну его къ цолту.

Вюртембергскій король напряженно смѣялся.

— Ничего, ничего... Не надо на него кричать. Это у него отъ избытка жизни. Пусть себѣ играетъ картинками.

— Говорятъ, Пуанкарэ уже ѣдетъ въ дѣйствующую армію? — спросилъ баварскій король.

— Кажется, — кивнулъ головой Вильгельмъ. — А третьяго дня онъ приходитъ ко мнѣ и говоритъ: «Сшей мнѣ, говорить, треугольную шляпу и сѣрый походный сюртукъ»...

— Кто?! — удивился саксонскій король. — Пуанкарэ?

— Да нѣтъ. Сынишка мой.

— Сколь это поразительно! — ахнулъ вюртембергскій король.

А саксонскому и баварскому королю уже сдѣлалось скучно.

Саксонскій непріязненно поглядѣлъ на кронпринца и сказалъ:

— Что это онъ дѣлаетъ?

— Да вотъ картиночки раскрашиваетъ. Навѣрное, художникомъ будетъ.

— Что это у него? Старинныя русскія миниатюры, кажется?

— Да, знаете. Попалъ онъ недавно въ замокъ Шампобера во Франціи... Увидѣлъ тамъ бронзу, картины — раскапризничался — «Хочу, да хочу». Нечего дѣлать, дали ему.

— Какой сообразительный! — умилился вюртембержецъ. Саксонскій король тоскливо взглянулъ на баварскаго и сказалъ:

— А во Францію уже прибыли цвѣтныя войска изъ Индіи.

Вильгельмъ покрутилъ усъ и усмѣхнулся.

— Вчера спрашиваю его: «Ты что больше любишь, пупсикъ: миръ или войну?» А онъ мнѣ: «Миръ можетъ быть только тогда, когда я завоюю Францію!»

— Я лазобью Фланцію! — сказалъ кронпринцъ, прокалывая ножницами глаза какому-то святому.

— Полководцемъ будетъ! — воскликнулъ вюртембергскій.

— И напишу книгу: «Долой Лоссію».

— Писателемъ будетъ! — застоналъ отъ восхищенія вюртембергскій.

Кронпринцъ засопѣлъ и добавилъ басомъ:

— А у фланцузовъ очень вкусное сампанское.

— Пьяницей будетъ, — шепнулъ саксонскій король баварскому.

— А какой онъ сообразительный, — сказалъ Вильгельмъ. — Вчера взялъ кусочекъ хлѣба, сунулъ туда иголку и говоритъ: это я отдамъ французамъ плѣн...

— Ну, пойдѣмъ, — нервно всталъ баварскій король. — Пора.

* * *

— Ну, дай дядямъ ручку, — просилъ Вильгельмъ.

— Вотъ ещо — всякому луку подавать... Облопаются.

— Гордый онъ у меня, — сказалъ Вильгельмъ, трепля сына по спинѣ. — До свиданья, господа, — въ Кіевѣ.

* * *

Три короля вышли изъ кабинета. Когда спускались по лѣстницѣ, вюртембергскій замѣтилъ:

— Ну, и ребенокъ: грубъ, глупъ и воровать.

— Не въ дѣдушку, — замѣтилъ баварскій.

А саксонскій поставилъ точку:

— Просто дегенератъ.

Аркадій Аверченко.

ГОЛУБЬ МИРА.

По небу застѣнчивый голубь летѣлъ
И что-то семейное пѣлъ.

Его изъ Гааги одинъ трибуналъ,
Зачѣмъ-то къ Вильгельму послалъ.

— Мнѣ вѣточку пальмы засунули въ ротъ...

Куда я лечу, идиотъ?..

Вдругъ снизу какой-то нѣмецкій капраль

Въ животъ ему пулю вогналъ.

Былъ голубь оципанъ, зажаренъ, согрѣтъ

И кайзеру данъ на обѣдъ.

— Подумаешь... Пища... — тотъ мрачно сказалъ

И пальмой въ зубахъ ковырялъ...

Такъ голубь, который и къ Ною леталъ,

Въ нѣмецкомъ желудкѣ застрялъ.

Арк. Буховъ.

СУМЕРЕЧНЫЯ ПѢСНИ.

I.

Въ сумеркахъ.

Дѣвочка, давай играть съ тобою въ прятки...
 Въ старой гостиной... Дѣдушка скоро уйдетъ...
 Есть у драпри тамъ пугливья складки
 И у фояля пѣвуче-нетающий ледь...
 Есть тамъ каминъ и часы съ арлекиномъ,
 Долгъ его — вѣчно ногами качать...
 Какъ не проснуться тамъ старымъ былинамъ,
 Пѣснѣ забытой — какъ вновь не звучать?...
 Прячься... Я буду считать у порога...
 Ты не поймешь меня, милый звѣрекъ,
 Что я ищу тебя тупо и много —
 Хочется взять мнѣ, вѣдь, каплю былого,
 Сказки твоей хоть одинъ лепестокъ...
 Завтра я въ сѣрой шинели уйду —
 Прячься же лучше, а то я найду...
 Надо быть проще и дѣтски правдивѣй,
 Тамъ, гдѣ рѣшаютъ конечный вопросъ,
 Въ битвѣ все мчатся къ той сказочной Дивѣ,
 Что сѣрый волкъ для дракона увезъ...
 Уголь послѣдній въ каминѣ лучится...
 Сѣрѣя сумерки смотрятъ въ окно...
 Дѣтства ли счастье мнѣ въ сердце стучится,
 Призракъ ли счастья... Не все ли равно?...
 Завтра я въ сѣрой шинели уйду...
 Спряталась крошка... — «Ау-у-у...»

II.

Жертва вечерняя.

Я пишу лишь о томъ, что сердцу такъ близко...
 Пусть героевъ родитъ и вѣнчаетъ война,
 Но въ Воронежѣ гдѣ-то есть гимназистка,
 Она дѣтски мила и какъ осень грустна...
 Въ ея синихъ глазахъ, какъ въ весеннихъ затонахъ,
 То померкнуть, то вспыхнуть улыбки зарницъ, —
 Ея сердце болѣло о близости стоновъ,
 И она вдругъ не знала... «Балканскихъ границъ»...
 Я пишу для того, чтобъ не поняли ложно
 Ея тихой печали отцвѣтшей весны...
 Педагоги!.. Придраться, конечно, возможно,
 Но границы Балканъ, вѣдь, и вамъ не ясны!..

Сергѣй Михѣевъ.

ВОЛЧЬИ ЯГОДЫ.

Доброму кронпринцу все впору.

Газета „Matin“ въ своемъ бордосскомъ изданіи печатаетъ письмо баронессы Дебэй (de-Bay), въ которомъ она рассказываетъ, что германскій кронпринцъ, побывавшій въ ея замкѣ у Шампобера, проведя въ замкѣ только одну ночь — набилъ свои карманы массой художественныхъ предметовъ и драгоценныхъ коллекцій стариннаго русскаго искусства — и былъ таковъ.

Совѣтуемъ нашему сыскному отдѣленію на всякій случай помѣстить портретъ кронпринца въ свой альбомъ среди другихъ маравихеровъ и форточниковъ.

Можетъ быть, когда кронпринцъ пріѣдетъ въ Россію для добыванія себѣ куска хлѣба — этотъ портретъ сыскному отдѣленію пригодится.

Подвигъ на полѣ сраженія.

Берлинскія газеты, захлебываясь, рассказываютъ о слѣдующемъ подвигѣ (?) кронпринца:

Дѣло происходило на полѣ сраженія подъ Лонгви. Одинъ изъ раненыхъ германскихъ солдатъ слабымъ голосомъ попросилъ папиросу. Случившійся поблизости „нашъ добрый кронпринцъ“ вынулъ золотой портсигаръ и угостилъ солдата великолѣпной гаванной.

А на золотомъ портсигарѣ стояли инициалы:

„Баронесса Дебэй, замокъ Шампобера“.

Часы у кронпринца имѣютъ на крышкѣ инициалы:

„Д. Шепшелевичъ, Калишъ“, а на чайныхъ ложечкахъ выгравированъ девизъ кронпринца: „Грандъ-Отель“.

Похмѣлье.

Настроение, которое царитъ въ Вѣнѣ, хорошо передано вѣнскимъ поэтомъ Стефаномъ Цвейгъ:

„Теперь на землѣ мало сна, — пишетъ вѣнскій поэтъ Стефанъ Цвейгъ. — Длины ночи, безконечны дни. Въ каждомъ городѣ, на каждой улицѣ, въ каждомъ домѣ спокойное дыханіе сна прерывается горячечнымъ бредомъ, удушливыми фантазіями кроваваго времени. Сколько людей здѣсь и тамъ, которые раньше проплывали ночи въ черныхъ баркахъ сна, оснащенныхъ пестрыми сновидѣніями, слышать теперь по ночамъ, какъ часы идутъ, идутъ, идутъ по необъятному пути отъ зари до зари, и чувствуютъ, какъ ихъ истерзанное сердце начинаетъ истекать кровью! Все человѣчество лихорадитъ теперь днемъ и ночью. Ужасная, мощная бессонница приводитъ въ трепетъ издерганные нервы миллионныхъ людей, судьба неслышно пробирается въ тысячи дверей и оконъ и прогоняетъ сонъ, прогоняетъ забвеніе. Мало сна теперь на землѣ: длинные ночи, безконечны дни“.

Начинается послѣ кроваваго пира тяжелое тошнотворное похмѣлье, и первымъ почувствовало его самое чуткое сердце на землѣ — сердце поэта...

Способъ борьбы съ шулерствомъ.

„Times“ сообщаетъ:

Германская печать пользуется своеобразными средствами для сообщенія характера большей достовѣрности тѣмъ свѣдѣніямъ, которыя она распространяетъ относительно Россіи. Ссылаясь въ качествѣ источника на русскія газеты, германская печать приводитъ вымышленныя свѣдѣнія о Россіи и русскихихъ.

Кромѣ обыкновеннаго вооруженія, союзныя арміи должны быть вооружены и специальнымъ оружіемъ: мѣдными подсвѣчниками, которыми, вообще, испоконъ вѣка принято избивать шулеровъ...

Мыла имъ! Мыла!

Парижъ. Въ Компьенѣ было официально констатировано, что во время пребыванія германцевъ въ этомъ городѣ 3 большихъ вагона, привезенные на дворъ Компьенскаго дворца, были нагружены цѣнными вещами, похищенными солдатами и унтеръ-офицерами въ зданіяхъ, принадлежащихъ муниципалитету, а также въ частныхъ домахъ въ Компьенѣ. Грабежъ совершался въ присутствіи германскихъ офицеровъ. Всѣмъ цѣннымъ вещамъ германскимъ унтеръ-офицеромъ была сдѣлана опись, а затѣмъ вагоны отошли, поднявъ флагъ Краснаго Креста. Одновременно увезены цѣнные обои, въ которые были завернуты бутылки шампанскаго. Многие офицеры также носили повязки Краснаго Креста.

Недавно въ нѣмецкихъ газетахъ были помѣщены воззванія, приглашающія нѣмцевъ жертвовать для нуждъ арміи мыло.

Теперь, когда выяснилось, что нѣмецкая армія не чиста на руку, — это пожертвованіе пріобрѣтаетъ особенное значеніе.

Эпидемія.

Корреспондентъ „Биржев. Вѣдом.“ пишетъ:

Продолжается „эпидемія“ награды „Желѣзнымъ крестомъ“. Императоръ Вильгельмъ въ послѣдніе дни наградилъ этимъ орденомъ 42000 человекъ.

Скоро вся Германія понесетъ крестъ.

И тяжелый крестъ это будетъ.

Утѣшили.

Этого еще не доставало...

Нѣмецкая „Frankfurter Zeitung“ пытается оправдать разрушеніе Реймскаго собора такимъ образомъ:

„Война, сьющая разрушеніе, есть въ то же время и путь къ новому творчеству. Во всѣ времена у человѣчества являлась энергія создавать вещи болѣе великія и болѣе прекрасныя, чѣмъ тѣ, которыя оно само же разрушило. Если нѣмецкія арміи въ своемъ побѣдномъ наступленіи бывають вынуждены разыскивать непріятели не только въ крѣпостяхъ, но и въ старинныхъ и священныхъ памятникахъ цивилизаціи, мы можемъ имѣть, по крайней мѣрѣ, то утѣшеніе, что побѣда, купленная такъ дорого, не преминетъ привести къ созданію болѣе прекрасныхъ и болѣе великихъ произведеній искусства, чѣмъ средне-вѣковыя храмы, упирающіеся въ небо“.

Не о 42-сантиметровой ли пушкѣ Круппа говоритъ нѣмецъ, намекая на болѣе великое произведеніе искусства?

А если это будетъ новый соборъ, то кто его построитъ: Тицъ или Вертгеймъ?

Ключъ къ Марго.

У одного плѣннаго французами германскаго офицера найденъ списокъ французскихъ фразъ для разговора...

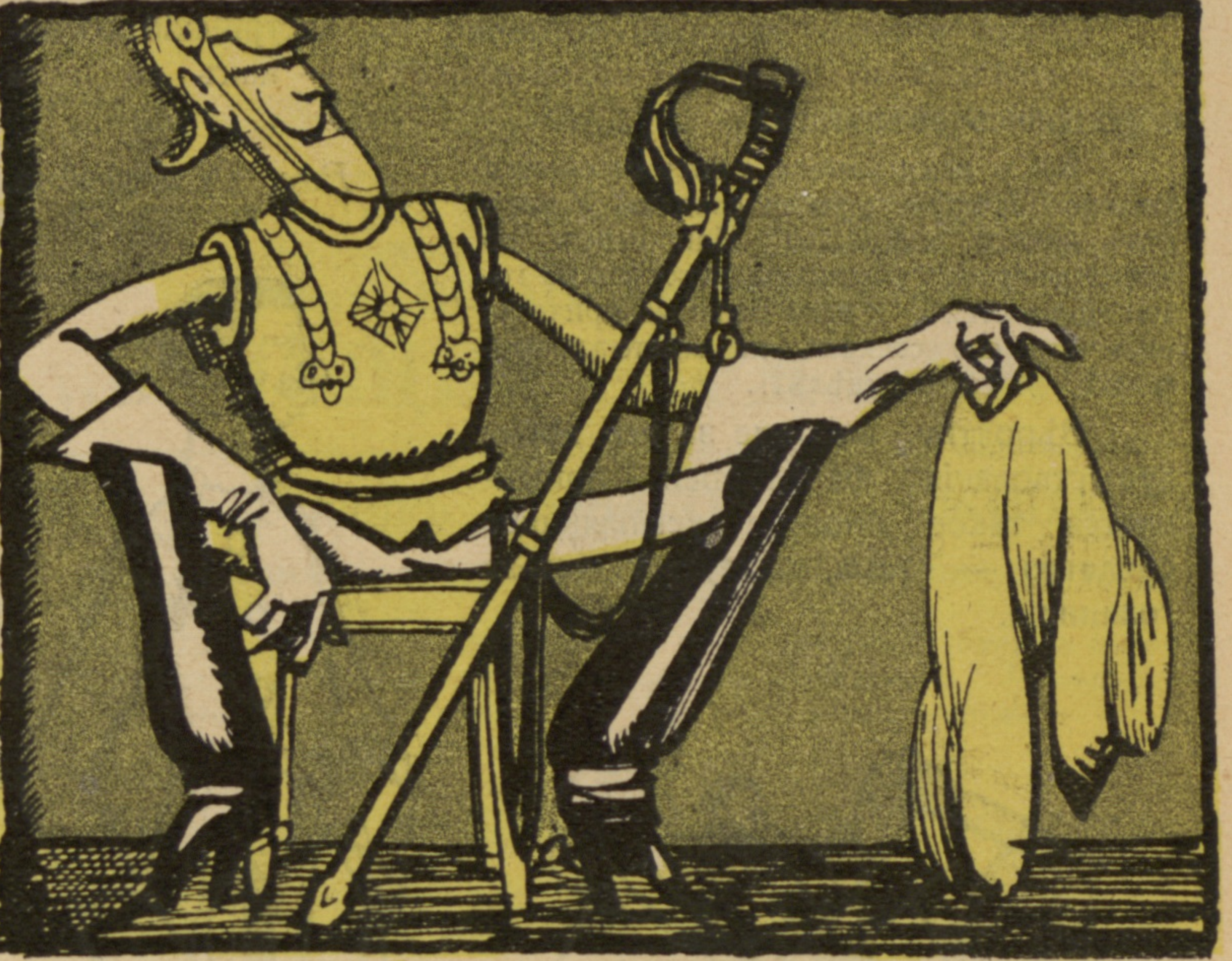
Все это — выраженія ласковыя, благожелательныя: „Прошу дать мнѣ пару цыплятъ“, „Не откажите въ любезности подать мнѣ двѣ бутылки шампанскаго и двѣ бутылки бургонскаго, но обязательно старыхъ годовъ“, „Дайте мнѣ рюмку финь-шампань“.

Правда, произнося эти фразы, нѣмецъ нанизывалъ на штыкъ бельгійскихъ ребятъ и прострѣливалъ головы женщинамъ, но тонъ французскаго вѣжливаго разговора соблюдался нѣмцемъ съ чисто нѣмецкой аккуратностью.

У В Л Е К С Я .

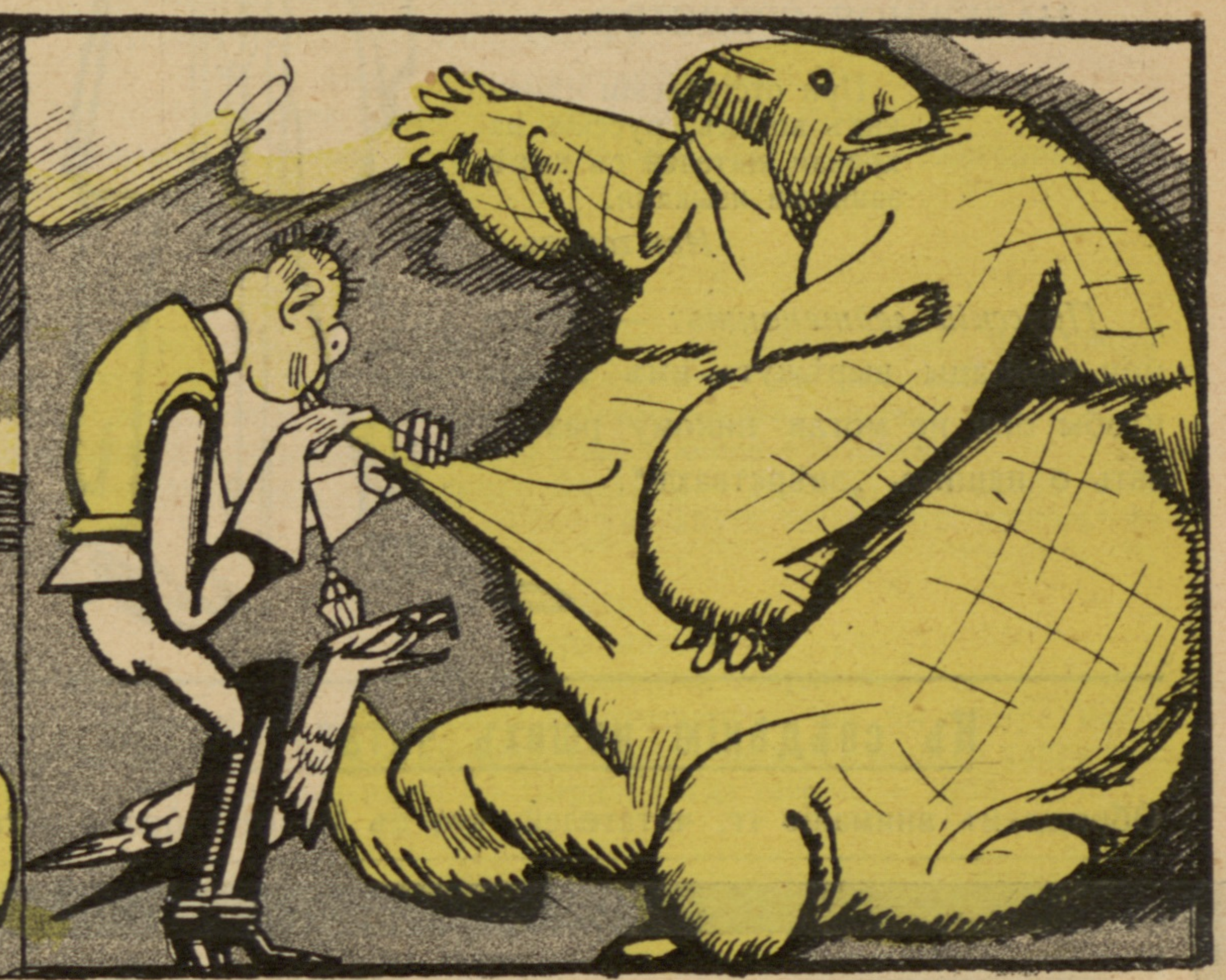
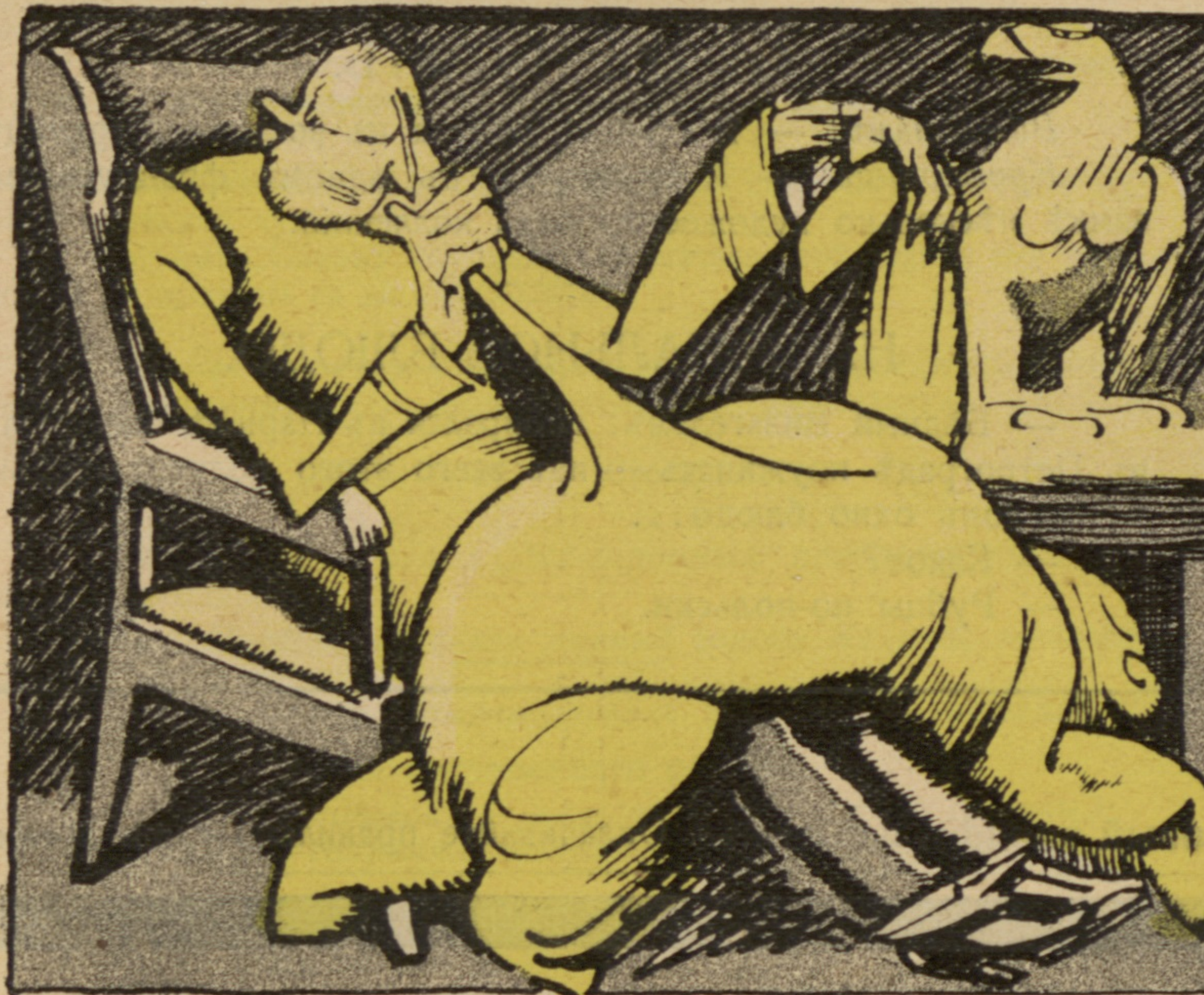
Рис. А. Радакова.

Идея Цепелиновъ, какъ важнаго фактора въ дѣлѣ помощи воюющей арміи, окончательно провалилась.
Изъ военныхъ статей.

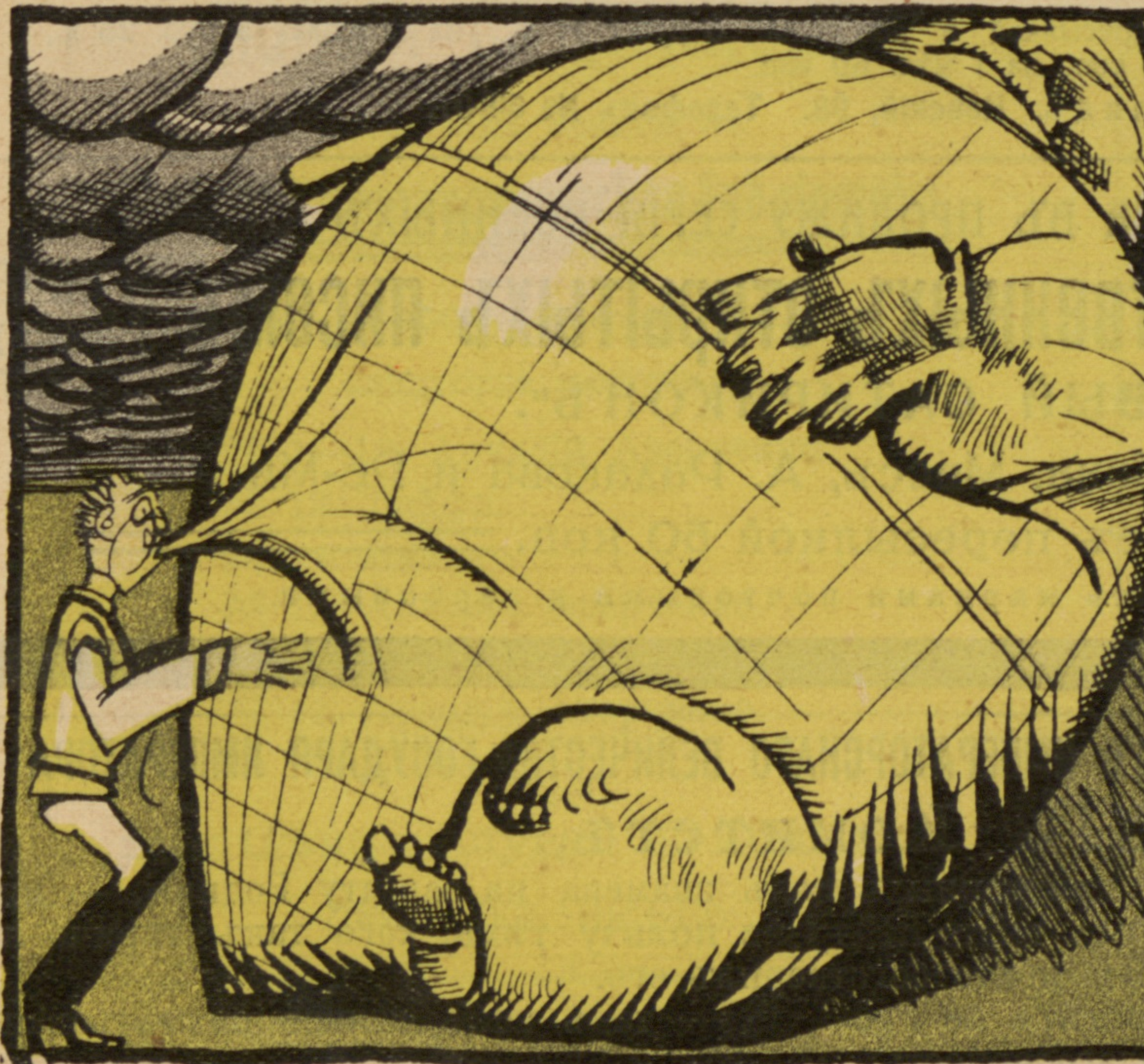
Вильгельмъ воскликнулъ:
— Будущее Германіи на водѣ и на Цепелинахъ!

— Вотъ я беру графа Цепелина...

... И начинаю его раздувать ...

— Ого! Какая страшная штука получается ...

— Еще немножко раздуть этотъ Цепелинъ, и онъ ...

— Ахъ, чортъ поberi! Лопнулъ!

Дешевая замѣна хлороформа.

Одинъ русскій раненый, попавшій въ австрійскій госпиталь, отвѣтилъ на вопросъ корреспондента — какъ съ ними обращались австрійцы:

— Съ нами ничего, а вотъ со своими ужасно. Офицеры лупятъ солдатъ. У насъ нѣтъ ничего подобнаго. Напримѣръ, во время операциі у доктора заткнуть за голенищемъ стекъ. И если раненый кричитъ, такъ онъ его стекомъ на мѣсто хлороформа. Я самъ видѣлъ...

Вѣроятно, впервые за все время существованія фармакопеи примѣняется такое простое усыпляющее средство — стекъ, вынутый изъ-за голенища.

Рис. В. Лебедева.

НАДЕЖНОЕ СРЕДСТВО.

При отступленіи нѣмецкихъ войскъ, русскіе находили жителей съ вырѣзанными языками.

Изъ газетъ.

Прусскій лейтенантъ: — Пусть мои молодцы вырѣжутъ имъ языки, чтобы они не могли никому рассказать о нашихъ „звѣрствахъ“.

Докторъ артиллерійскаго богословія.

У нѣмецкаго генерала Гинденбурга совершенно своеобразная карьера. Еще не спаливъ ни одной библіотеки и не разгромивъ ни одного научнаго учрежденія, онъ уже сталъ довольно виднымъ ученымъ среди германскихъ военачальниковъ...

Какъ передаетъ одна газета:

Нѣмцы сразу избрали его почетнымъ докторомъ нѣсколькихъ университетовъ, при чемъ ему въ большинствѣ жаловалась степень доктора юридическихъ наукъ, и только боннскій университетъ пожаловалъ ему степень доктора медицины. Но забавнѣе всего поступилъ университетъ въ Кенигсбергѣ, пожаловавшій ему почетное званіе „богослова“.

Гинденбургъ, по полученіи донесенія о пожалованіи ему Кенигсбергомъ званія доктора теологіи, сказалъ:

— Что я сдѣлалъ этимъ свиньямъ, чтобы онѣ мнѣ пакостятъ? Неужели я долженъ былъ отдать ихъ казакамъ на убой?

Это — самая краткая благодарственная рѣчь, произнесенная при полученіи высокой ученой степени.

ЧАСТИЧНОЕ СОГРѢВАНІЕ.

Изъ рѣчи нѣмецкаго полководца.

— Солдаты! Наступаютъ холода, и армія должна озаботиться тѣмъ, чтобы согрѣть себя.

— Намъ достаточно только погрѣть руки, — сказали себѣ солдаты, и тотчасъ же мирный городъ былъ разграбленъ дочиства.

В.

ОТЕЦЪ И СЫНЪ.

Вильгельмъ: — Я стянулъ войска къ восточной границѣ.

Кронпринцъ: — А я стянулъ въ одномъ французскомъ замкѣ нѣсколько художественныхъ коллекцій.

НАЦИОНАЛЬНОЕ БЛЮДО.

— Бѣдный Вильгельмъ: собирался въ Парижѣ пообѣдать, въ Петроградѣ поужинать — изъ всего этого получилъ только у поляковъ одно блюдо...

— Какое?

— Рубцы по-польски.

Волкъ.

Къ свѣдѣнію нашихъ читателей.

Обращаемъ вниманіе гг. читателей, что съ 21 сентября почтовый тарифъ повышенъ. Оплачивайте правильно ваши письма.

2-й годъ изданія.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА

на еженедѣльный журналъ САТИРЫ и ЮМОРА

2-й годъ изданія.

3 ЦѢННЫХЪ ПРЕМІИ

„НОВЫЙ САТИРИКОНЪ“

3 ЦѢННЫХЪ ПРЕМІИ

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: на годъ (безъ доставки) 6 руб. Съ пересылкой и доставкой 6 руб. 50 к., на полгода 3 руб. 25 к., на 3 мѣс. 1 руб. 75 коп., на 1 мѣс. 60 коп.

Адресъ конторы и редакціи: Петроградъ, Невскій, 98. Телефонъ № 59-07.

ВЫШЛА ВЪ СВѢТЪ И ПОСТУПИЛА ВЪ ПРОДАЖУ СЕРІЯ ВОЕННЫХЪ

I СЕРІЯ
(6 шт.)

ЮМОРИСТИЧЕСКИХЪ ХУДОЖЕСТВЕННЫХЪ ОТКРЫТЫХЪ ПИСЕМЪ

I СЕРІЯ
(6 шт.)

издательства „НОВЫЙ САТИРИКОНЪ“.

Рисунки художниковъ: И. Билибина, Миссъ, А. Радакова и Ре-Ми.

ЦѢна серіи 40 коп., съ пересылкой 50 коп.

Суммы до 10 рублей можно высылать марками почтовыми и гербовыми.

Состоящій подъ ВЫСОЧАЙШИМЪ покровительствомъ ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА
СКОБЕЛЕВСКІЙ Комитетъ,

открывая госпитали-санаторіи для леченія воиновъ, призванныхъ подъ знамена на защиту Родины, — призываетъ отзывчивыхъ русскихъ людей внести свою посильную лепту на пользу тѣхъ, кого такъ горячо любилъ незабвенный Михаилъ Дмитріевичъ СКОБЕЛЕВЪ и кто боготворилъ его.

Ни суммой, ни количествомъ жертвуемаго просятъ не стѣсняться, такъ какъ всякое пожертвованіе, какъ вещами, такъ и деньгами, будетъ принято съ благодарностью.

Лицъ, желающихъ помочь своимъ личнымъ трудомъ, просятъ пожаловать въ Канцелярію Комитета.

Пожертвованія принимаются въ Канцелярію Комитета, Петроградъ, Пески, Мытнинская ул. № 27.

ПЕРЬЯ ИЗЪ ХВОСТА.

Мы уже неоднократно отмѣчали грязно-небрежное, чтобы не сказать болѣе, отношеніе „Синяго Журнала“ къ своимъ читателямъ.

Редакція этого удивительнаго журнала ничего не стоитъ стянуть у себя же старое клише „Матросы, спасшіся при гибели Титаника“ и выдать этихъ бравыхъ людей за „Ирландскихъ волонтеровъ, отправляющихся воевать съ нѣмцами“.

Редакція этого удивительнаго журнала можетъ ничтоже сумняшея помѣстить рисунокъ вечерняго платья изъ моднаго журнала, сопроводивъ рисунокъ подписью: „Семигановская приобрѣла себѣ автомобиль“.

Редакція этого удивительнаго журнала способна просто взять старое истертое клише, на которомъ ничего не видно, и подписать подъ нимъ: „Принцъ Готфридъ Бульонскій принимаетъ нашего сотрудника въ Компьенѣ“.

— Удобно ли? — протестуетъ, вѣроятно, въ такихъ случаяхъ, болѣе совѣстливый секретарь.

— Ничего, — ухмыляется редакторъ, — наша публика все слышитъ. По крайней мѣрѣ, будутъ удивлены: „Дескать, ишь ты, какіе важные ихъ сотрудники — самъ Готфридъ ихъ принимаетъ!“.

А совсѣмъ недавно (№ 34) этотъ проворный, но небрежливый журналъ просто взялъ картинку, изображающую эпизодъ изъ прошлой турецко-болгарской войны „Перевозка раненыхъ“ и подписалъ подъ нею: „Страничка изъ „Черной книги“ о нѣмецкихъ звѣрствахъ“.

Не звѣрство это, а просто свинство.

Тотъ же журналъ, помѣщая портретъ Л. В. Собинова, устроившаго на свои средства лазаретъ, — сопровождаетъ этотъ портретъ подписью — апофеозомъ пошлости и бессмыслицы:

„Нашъ (?) милый (?) пѣвецъ любви (!) Собиновъ въ своей частной (?) квартирѣ устроилъ лазаретикъ (!) для раненыхъ“.

Оттуда же — помѣщенъ некрологъ, посвященный Максиму Линдеру, начинающийся словами: „Единственный, неуязвимый, неосязаемый (?)“...

Тутъ же портретъ... вы думаете, Максима Линдера? Нѣтъ, какой-то дѣвица, имитировавшая въ одномъ шантанѣ Максима Линдера.

Къ мѣсту.

Въ томъ же номерѣ помѣщенъ военный снимокъ: „Анатолій Дуровъ у женской купальни“.

Совѣтуемъ „Синему Журналу“ держаться этой родной ему плоскости и за предѣлы ея не переходить.

А вотъ какъ острить родившіся недавно въ кровавыхъ испареніяхъ полей послѣднихъ битвъ московскій журнальчикъ „Кривое Зеркало“:

Littera docet — littera nocet.

— Что сдѣлаетъ Вильгельмъ послѣ войны?

— Онъ будетъ издавать „Экс-тронныя“ прибавленія къ „Берлинеръ Тагебляттъ“.

Майоръ Прейскеръ, занявъ мирный городъ Калишь, телеграфировалъ Кайзеру:

Пришелъ, увидѣлъ, бомбардировалъ. (*Veni—vidi—bombardici.*)

Изъ современнаго романа.

(Политическій отрывокъ — касается неизвѣстной страны.)

... Она долго сохраняла нейтралитетъ во всей неприкосновенности.

Но страсти политическія разгорались...

И она сдалась на оба фронта.

— Однако!.. сказалъ принцъ Монако...

Читатель скажетъ, вѣроятно, то же самое, но при этомъ еще плюнетъ и выругается.

Иногда задаетъ себѣ вопросъ: куда дѣваются всѣ незадачливые авторы, потерпѣвшіе большой уронъ въ сраженіяхъ „При Почтовомъ ящикѣ“.

Теперь судьба этихъ искалѣченныхъ инвалидовъ ясна.

Готовится къ печати **СПЕЦИАЛЬНЫЙ**
большой
номеръ „НОВАГО САТИРИКОНА“
„БУДУЩЕЕ ГЕРМАНИИ“.

Почтовый ящикъ „НОВАГО САТИРИКОНА“.

(Непринятые рукописи не возвращаются по почтѣ, даже при условіи присылки марокъ.)

Редакція не принимаетъ на себя обязательства давать письменные отвѣты на запросы случайныхъ сотрудниковъ. Рукописи, не востребованныя въ теченіе 3-хъ мѣс., уничтожаются.)

А. Петроградъ.

Моисееву. — Острота Моисеева, однажды уже присланная намъ:

— Я питаю надежду.

— На что вы питаете надежду?

— Ни на что. Просто мою жену зовутъ Надеждой и я ее питаю“.

Если вы питаете ее гонораромъ, полученнымъ за подобныя остроу, — голодная смерть бѣдной женщины не за горами.

Головинскъ. — М. Д. Я. — „Пашнями“ и „кошками“ — не риема. „Сендерей“ — нѣтъ такого слова.

Вообще сама фраза: „ѣлъ дядя сендерей“ — загадочна.

Прощайте навсегда, М. Д. Я.

Льсной. — Чорту Малиновому.

Наша жизнь — одна игрушка —

Сегодня живъ — завтра поразила пушка.

Не только пушка, но и вы поразили редактора размѣромъ вашихъ дикихъ стиховъ.

М. О—чу. — Не подошло.

Б. Провинція.

Кіевъ. — N. N. — Въ отвѣтъ на удивленіе ваше, по поводу того, что въ настоящее боевое время у насъ въ журналѣ сотрудничаетъ поэтъ подъ австрійскимъ псевдонимомъ „Евгеній Вѣнскій“ — означенный поэтъ далъ редактору слѣдующее объясненіе:

— Такъ какъ, — говоритъ Вѣнскій, — Вѣна будетъ скоро взята русскими, то его, Вѣнскаго, можно упрекнуть только въ одномъ: въ излишней предусмотрительности.

Томскъ. — Акимъ Плотникову:

Я сестра! Я сестра милосердія ...

Полямъ иду по вспаханной тверди я.

Акимъ! хотя вами дважды и подчеркнуто, что вы сестра милосердія, но даже этотъ санъ не ограждаетъ васъ отъ нашего удивленія: какимъ образомъ вы идете по тверди, когда твердь — небо.

Не рано ли для васъ это?

Ave.

Редакторъ А. Т. Аверченко.

Издатель Т-во „Н. Сатириконъ“.

ИЗДАТЕЛЬСТВО

„НОВЫЙ САТИРИКОНЪ“

Петроградъ, Невскій, 98.

Дешевая юмористическая библіотека

Вышли и поступили въ продажу

слѣдующіе выпуски:

№ 1—12. Аркадій Аверченко.

№ 13. Тэффи.

№ 14. Ландау.

№ 15. Аркадій Аверченко.

№ 16. О. Л. Д'Орѣ.

№ 17. Аркадій Аверченко.

№ 18. К. Милль.

== Цѣна выпуска 10 коп. ==

ПРОДАЖА ВЕЗДѢ.

САМОУЧИТЕЛИ РЕМЕСЛЪ. Багетнаго, съ 31 рис. — 30 к. Бочарнаго, съ 50 рис. — 40 к. Булочнаго — 35 к. Выжиганія, съ 46 рис. — 30 к. Выпиливанія, съ 75 рис. — 30 к. Женск. рукодѣлій, съ 65 рис. — 30 к. Жестнаго, съ 98 рис. — 40 к. Зеркальнаго, съ 5 рис. — 30 к. Золоченія и серебрения по дереву и металлу, съ 14 рис. — 30 к. Кожевеннаго, съ 5 рис. — 30 к. Корзиночнаго, съ 52 рис. — 30 к. Краснодеревнаго, съ 117 рис. — 30 к. Кузнечнаго, съ 62 рис. — 30 к. Кровьельнаго, съ 103 рис. — 30 к. Лаковъ и замазокъ — 30 к. Литейнаго, съ 54 рис. — 50 к. Луженія, паянія и никелированія — 30 к. Малеярнаго — 30 к. Мукомольнаго, съ 28 рис. — 50 к. Мыловареннаго, съ 37 рис. — 40 к. Обойнаго, съ 67 рис. — 30 к. Перешлетнаго, съ 76 рис. — 40 к. Печнаго, съ 30 рис. — 40 к. Плотничьяго, съ 104 рис. — 30 к. Полированія и лакированія — 50 к. Починки галошъ и шинъ — 30 к. Прачечнаго и красильнаго — 40 к. Выдѣлки ваксы — 25 к. Лампаднаго масла — 30 к. Колесной мази — 30 к. Чернилъ — 30 к. Протравки дерева подъ дубъ, орѣхъ и т. п. — 50 к. Рѣзчика по дереву, съ 62 рис. — 30 к. Саножнаго, съ 20 рис. — 50 к. Слесарнаго, съ 94 рис. — 30 к. Скорнячнаго — 30 к. Столярнаго, съ 118 рис. — 50 к. Телѣжно-колеснаго, съ 26 рис. — 40 к. Токарнаго по металлу, съ 103 рис. — 50 к., по дереву, съ 141 рис. — 30 к. Часоваго, съ 43 рис. — 50 к. Чемоданнаго, съ 39 рис. — 40 к. Черепичнаго, съ 59 рис. — 50 к. Чучельнаго, съ 44 рис. — 40 к. Шорнаго, съ 44 рис. — 30 к. Штемпелей каучукъ, съ 11 рис. — 40 коп. Штукатурнаго, съ 52 рис. — 30 коп. Шеточнаго, съ 39 рис. — 30 коп.

КНИГИ ПО ЭЛЕКТРОТЕХНИКѢ. Домашній Электротехн. съ 66 рис. — 30 к. Гальванопласт., съ 27 рис. — 40 к. Гальванич. элементы съ жидк., съ 64 рис. — 40 к. Постр. маленьк. динамо-машины, съ 25 рис. — 30 к. Постр. мал. электр. двиг., съ 35 рис. — 30 к. Устр. деш. электр. освѣщ. лампочки накаливан., съ 39 рис. — 30 к. Никелиров. собственноручн. приб., съ 6 рис. — 30 к. Сухіе гальваническіе элементы съ 12 рис. — 30 к. Спутникъ электромонтера, съ 40 рис. — 40 к. Устр. спирали Румкорфа и опыты, съ 26 рис. — 30 к. Школа электротехн., съ 59 рис. — 40 к. Электр. звонки и сигнализція: проводка, ремонтъ, съ 76 рис. — 30 к. Электр. освѣщеніе, устройство, новости, съ 100 рис. — 40 к. Устройство карманнхъ фонарей, съ 29 рис. — 30 к. Обмотка якорей динамо-машинъ, съ 13 рис. — 30 к. Постр. динамо-машины съ кольцеобр. якоремъ, съ 48 рис. — 50 к. Какъ построить безпровод. телегр., съ 49 рис. — 40 к. Высылаетъ наложеннымъ платежомъ

въ Петроградѣ — Книгоиздательство А. Ф. СУХОВА, Б. Подъяческая, 19, въ Москвѣ — Книжн. складъ М. Петрова, бл. Охотн. ряда, Тверская, 13

Пересылка одной книги — 15 к., 2 кн. — 19 к., 3 кн. — 23 к., 4 кн. — 27 к. и 5 кн. — 31 к. Наложнымъ платежомъ на 10 коп. дороже. При выпискѣ на 3 руб. пересылка бесплатно. Кatalогы высылаются бесплатно.

Гдѣ бываютъ артисты и писатели ?
за завтракомъ, обѣдомъ и ужиномъ

ВЪ РЕСТОРАНѢ
И. С. СОКОЛОВА.

Ул. Гоголя, 21. Тел. 477-35, 29-65, и 182-22.

Комфортабельные
кабинеты.

Реми

З А Б Ы Т Ы Й.

Нѣмецкія сестры милосердія добиваютъ раненыхъ на поляхъ битвъ. („Matin“.)

Луна чернить
Ночную тѣнь
И серебрить
Лѣсную сѣнь.
Луна шевелить
Груды тучъ
И стеблемъ стелеть
Сонный лучъ.
Не шелохнетъ
Рѣчная зыбь.
Свой стелеть летъ
Надъ нею выпь.

Бѣлы уста,
Темны глаза,
Но въ нихъ чиста
Горитъ слеза.
Взоръ, полный муки,
Глядится въ ночь.
И молятъ руки
Луну помочь!
Но — въ облакахъ
Лучи луны.
Мольба и страхъ
Имъ не видны!
И нѣтъ помощи,
И въ забыты...
Вдаль безъ дороги
Ушли свои.

Увидя ихъ,
Умолкъ сосѣдъ,
И съ нимъ затихъ
Немолчный бредъ.
Другой отъ счастья
Кричитъ навзрыдъ.
О, рай участя
Для всѣхъ открытъ!
Все ближе шагъ,
Но страшно мнѣ.
Нѣтъ, вашихъ благъ
Не надо мнѣ!

По горамъ и по равнинамъ
Видишь груды тѣлъ простертыхъ?
Видишь павшихъ въ гнѣвѣ львиномъ
Раненыхъ и мертвыхъ?

Чу, я слышу шелестъ острый,
Шелестъ ряски, шелестъ звонкій.
Вонь идутъ на помощь сестры,
Добрыя тевтонки!

Я знаю, что имъ кровь отерло,
Моимъ соратникамъ окрестъ!!
И не хочу кинжала въ горло,
Чтобъ краснымъ сталъ вашъ черный крестъ!

Потемкинъ.